

Обозначенная проблема закрытости социологической практики (мы исключаем случаи, специально оговоренные заказчиком) только усиливает эффект «тупиковости» в практическом решении проблемы «чистоты» профессиональной социологической ниши. Опыт избирательных кампаний сопровождается выдвиганием на авансцену социологического научного поля отдельных спонтанно возникающих, наспех «испеченных» «социологических» подразделений или групп. Последнее с завидным постоянством ставит вопросы о природе их происхождения, адекватности полученных результатов, что с неизбежностью инспирирует дискуссию о квалификации научной состоятельности социологии. Выход из сложившегося тупика, ставящего под сомнение результаты соцопросов и снижающего авторитет социологии в целом, может быть только один – предельно возможная открытость социологической практики.

Таким образом, процесс институционализации политической социологии в Беларуси обозначен целым рядом трудностей как методологического характера, так и собственно организационно-функционального, которые формируют проблемное поле науки. Ограниченные рамками статьи, мы эксплицировали здесь только вершину айсберга, рассчитывая на развитие сюжета на страницах нашего журнала. Акцентуализация содержания статьи на наблюдаемых тенденциях методологического плюрализма в социологии в целом не может обойти стороной такое ее ведущее направление, как политическая социология. Очевидно то, что принятие плюралистической парадигмы за основу может найти достаточные основания в контексте специфики актуального момента исторического этапа развития страны и ее науки. Но такая логическая аргументация правомерности методологического плюрализма с необходимостью диктует задачу пересмотра целого ряда существующих нормативных (и в этом плане стереотипных) методологических установок развития социологического знания.

В каком конкретно направлении будет развиваться этот методологический консенсус, если он в принципе возможен?

¹ См.: Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. М., 2006.

² Белановский С. А. Метод фокус-группы. М., 1996. С. 16.

³ См.: Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М., 1986. С. 9–25.

⁴ См.: Горшков М. К. Общественное мнение в системе властных отношений // Политическая социология / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2002. С. 433–447.

⁵ Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М., 1986. С. 106.

⁶ См.: Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной» социологии // Социол. журн. 1994. № 2.

⁷ См.: Шавель С. А. Феномен Homo Patiens – человек терпеливый: социологический анализ // Социология. 2012. № 2. С. 108–122.

⁸ См.: Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 161.

⁹ Мангейм Дж., Рич Р. Политология. Методы исследования. М., 1997. С. 510–512.

¹⁰ Там же. С. 521–525.

¹¹ См.: Докторов Б. Явление Барака Обамы. Социологическое наблюдение. М., 2011.

Поступила в редакцию 23.07.12.

Л. А. ГУЦАЛЕНКО,

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГО КАК ОБЪЕКТ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ

Рассматриваются разновидности социального блага в контексте их производства и потребления и роль субъекта в этих процессах.

Various social benefits are considered in the context of their production and consumption, as well as the role of the subject in these processes.

1. Спасать приходится не отдельное отечество, а все человечество

В силу сложившихся отношений человека к естественной и искусственной среде возник один из первых общеисторических социальных конфликтов. «Человек разумный, – отмечает академик РАН А. С. Керженцев, – как биологический вид всту-

пил в конфликтные отношения с метаболизмом экосистем сразу после формирования первого человеческого сообщества»¹. Так что у землян было достаточно времени поразмышлять над причиной этого конфликта и не ждать, когда она их заведет в тупик. Действительно, речь идет о важнейшей закономерности: казуальной взаимозависимости самопроизводства и саморегулирования естественных экоресурсов. Их состояние сегодня угрожает системной опасностью – абсолютным истощением естественных экоресурсов уже не только для питания людей, но и воспроизводства всего комплекса социальной жизни человеческого сообщества. Дело дойдет до того, что наши современники будут радоваться как дети, когда космический аппарат обнаружит на соседней планете горсть какого-либо минерала, пригодного для промышленного производства.

Что же побуждает наших земных собратьев со спасительной надеждой воспринимать эти электронные намеки? В свое время разумные существа благодаря созданию и совершенствованию орудий труда, коллективному общежитию нашли довольно эффективные способы производства, присвоения и потребления благ, которые мы сегодня называем уже не столько естественными, сколько социальными. «Это позволило ему (человеку. – Л. Г.) преодолеть естественный лимит численности популяции, полностью зависимой от наличия ресурсов жизнеобеспечения»². Иными словами, основную роль в жизнеобеспечении человечества отныне стали играть не естественные, а *социальные блага*. Это понятие имеет много синонимов. Центральным, формообразующим выступает понятие «социальное благо». В принципе оно было известно уже античному миру. Так, в платоновском диалоге «Филеб» Сократ провозглашает формулу, в которой улавливается герменевтическое единство смыслов основных частей позитивной социальной онтологии: адекватного выражения реальности, ее совершенного состояния и их соразмерности. Нечто «становится благом» благодаря единству «красоты, соразмерности и истины»³.

В современной социально-философской литературе сохранилось толкование блага как предельно обобщенного представления о совершенстве, «обозначающего совокупность ценностей, предметов и явлений, необходимых для удовлетворения положительных потребностей человека или общества, для обеспечения счастливой, здоровой, материально и духовно полноценной жизни»⁴.

Философская герменевтика блага, как и понимание других феноменов, в социологии получает конкретизацию, приближающую их к содержанию реальной жизни. Благо – это средство удовлетворения человеческих потребностей, синоним термина «продукция». По своим натуральным характеристикам блага подразделяются на вещественные (продукты), информационные объекты, частные и коллективные действия (услуги); по степени удаленности от конечного потребления – на потребительские блага и ресурсы (факторы производства); по длительности использования – на долговременные, используемые многократно (знания, книга, компьютер и т. д.), и кратковременные, исчезающие в процессе разового потребления (хлеб, молоко, спички и т. д.). Что касается блага общественного, то а) увеличение числа потребителей не влечет за собой снижение полезности, б) ограничение доступа к нему практически невозможно. Общественное благо неделимо. Благо – положительная ценность предмета. Цель деятельности, способствующая прогрессу⁵.

Несмотря на уже обозначенное смысловое разнообразие, понятие социального блага трудно закавычить, поскольку оно связано с целым «гнездом» сходных и столь же интегральных терминов. Среди них – такие как «социальное благополучие», «благосостояние», «качество жизни», «человеческий капитал», «добро».

Учитывая это обстоятельство, необходимо также заметить, что в приведенном, достаточно детализированном определении социального блага отсутствуют феномены, выражающие существенные составляющие человеческого предназначения: счастье, любовь, дружбу, идеал.

Вместе с тем совершенно очевидно неуклонное нарастание дефицита социальных благ, поглощение их «черной дырой» усугубляющих друг друга современных вызовов, кризисов, угроз и опасностей. В отличие от прошлых эпох современность все более демонстрирует системный характер этих социальных демонов, ставших ее постоянными спутниками. Подобное впечатление оставляет, в частности, анализ основных типов нынешних социумов: *общества риска, информационного и общества знаний*, проделанный известным немецким аналитиком Г. Бехманном.

Так, в структуре риска, охватившего все части современного социального организма, он выявил следующие амбивалентные черты. Они могут быть интерпретированы таким образом: 1. Фантастические возможности сбора, обработки, использования колоссальной информации соседствуют с хакерством, небывалым воровством денежных средств, секретов, в том числе военного, коммерческого характера, вторжением в интимную жизнь людей. 2. Не меньшую обеспокоенность вызывает глобальная виртуализация всех форм социальной жизни, когда становится все труднее различить ее символические, условные и реальные разновидности, иррациональные и рациональные планы ее перцепции. 3. Попытки государственного контроля «интернетовского беспредела» чреваты ущемлением позитивных функций электронных технологий, раздвигающих рамки социокультурного общения, самоорганизации гражданского сообщества. 4. Возрастающая неопределенность за счет непредсказуемости последствий разрозненных повседневных действий и т. д.⁶ Не может не тревожить то обстоятельство, что, как видно, большая часть симптомов риска связана именно с новейшим достижением цивилизации – электронными технологиями. Даже трудно себе представить, каким будет очередной джин, выпущенный из «бутылки» прогресса.

Тем не менее автор, как и во многих других оценках общества риска, здесь поддерживает объективную позицию. Например, относительно Интернета Г. Бехманн особенно подчеркивает его роль как эффективнейшего инструмента развертывания социокультурной матрицы международного сообщества⁷.

Довольно противоречивым предстает также и «общество знаний». «Наука увеличивает функциональную мощь тех социальных сфер, в которые она поставляет не только объяснение, но и модели структурирования реальности и альтернативные решения»⁸. Вместе с тем внушительное вторжение научных знаний в жизнь современного общества еще не гарантирует высокое качество решений, принимаемых теми или иными социальными агентами. Решения «в зависимости от знаний могут принести как позитивные, так и негативные последствия». Очевидно, знания не достигли еще такого уровня, который позволил бы чаще избегать, чем допускать, рискованных решений. Пока что «ни положительные, ни отрицательные последствия невозможно ни охватить, ни тем более как-то управлять ими»⁹.

Из всех сфер общественной жизни с риском, по замечанию автора, больше всего связаны проблемы социальные¹⁰. В этом нет ничего неожиданного. В какой бы области ни принимались решения, в обстановке происходящих трансформаций они прямо или косвенно связаны с социальными аспектами бытия индивида – от качества его повседневной жизни до статусно-ролевого положения в обществе. Изменения, конечно, есть, но не всегда в лучшую сторону. Так, двадцатилетний период трансформационных изменений в постсоветском обществе совпал не только с аналогичным сроком социального возмужания молодого человека, но и с периодом убыли жизненных сил маргинального пенсионера. Особенно смущает то обстоятельство, что удручающие показатели получены при исследовании социального благополучия не рядовых граждан, а представителей бизнес-аудитории. В феврале 2011 г. профессионалы авторитетной организации «РосБизнесКонсалтинг» выявили, что более половины респондентов (53,1 %) не уверены в своем будущем, 63 % убеждены в отсутствии в стране оптимальных условий для развития бизнеса и только 4,6 % придерживаются обратного мнения, 46,1 % склонны уехать за границу, 61,3 % предпочитают, чтобы там обосновались (жили и работали) их дети¹¹.

Вслед за другими исследователями проблем общества риска, прежде всего опираясь на труды У. Бека, Н. Лумана, Г. Бехманн не строит иллюзий, а призывает самым серьезным образом корректировать и совершенствовать стратегию регулирования процессов, протекающих в наше время. Особенно настойчиво советует, не в пример предшествующей истории, извлекать уроки из социальных катаклизмов, связанных с их трагическими и долговременными последствиями. Здесь прежде всего следует указать на превращение почти что в традицию создание и использование, как это звучит ни парадоксально, вредоносных инноваций. Имеются в виду военно-технические проекты, заключающие в себе колоссальную мощь, направленную не столько на защиту, сколько на агрессию. Как известно, в результате атомной бомбардировки американской авиацией японских городов Хиросимы и Нагасаки сотни тысяч их жителей в считанные секунды были превращены в пепел.

Жертвы этой чудовищной акции умирают до сих пор. Невероятно, однако атомные амбиции не пошли на убыль. Незадолго до начала XXI в. система стратегических концепций США «обогадилась» планом ограниченного ядерного удара, упреждающего, «разоружающего» предполагаемого противника¹².

Таким образом, человек ухитрился вступить в противоречие как с творениями природы, так и со своими собственными. «Современное общество, – подчеркивает Г. Бехманн, – впервые в истории конфронтирует с искусственно созданными и более чем реальными перспективами самоуничтожения»¹³. Строго говоря, такая конфронтация наблюдалась и прежде. Только она была менее опасной и соответственно меньшей разрушительной силы по сравнению с нынешними научно-техническими конструкциями. По своей потенциальной опасности последние превосходят природные катастрофы.

В этом плане правомерно снова обратиться к рассуждениям академика А. С. Керженцева. «Результатом подрыва ресурсной базы и качества окружающей среды может стать полное исключение Homo Sapiens из списков видов, населяющих Землю»¹⁴. Парадоксально, но именно отсутствие разумной стратегии обеспечения социального благополучия может погубить... самого субъекта этого благополучия. «Современный кризис посылает сигналы своего приближения, предупреждая об опасности, но человек, увлеченный сиюминутным жизненным комфортом, зараженный алчностью и амбициями покорителя природы, не желает замечать этих сигналов»¹⁵.

По сравнению с подходом западных социологов к характеристике современного общества и его существования как социальной деформации (а в некотором роде и деградации) несколько иную парадигму выдвинул российский социолог С. А. Кравченко. Согласно его мнению, классическая и часть неклассической социологии исследовали процесс рационализации всеобщего процветания, благоденствия. Но в реальности социум стал приобретать иные характеристики «быстро увеличивающейся сложности». Возникли «повороты в социологии», предполагающие постдисциплинарные подходы: лингвистический (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Фуко, П. Бурдьё); рискологический (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман), материалистический (Б. Латур, Д. Пелс, Ф. Ванденберг), культуральный (Дж. Александер)¹⁶. На грани XX и XXI вв., считает ученый, возникли версии перехода от национально-организованных обществ к глобальной дезорганизации, но он склонен в этом усматривать не просто хаос, а «глобальную сложность». В ней проявляется «эффект бабочки», когда малозначительные действия вызывают лавинообразные последствия (события в Африке). Нужен баланс между организацией и самоорганизацией. «Борьбу с коррупцией нельзя решить всем миром»¹⁷.

На наш взгляд, в такой позиции просматривается перемещение социообразующей роли с коллективно-институциональных на субъективно-индивидуальные социальные силы.

2. Качественное производство и потребление благ немислимы без формирования социально ответственной личности

Если в самом производстве связь между звеньями, создающими продукт, прослеживается более или менее отчетливо, то за пределами этого цикла она дополняется переплетением весьма разнородных элементов, структур и инфраструктур. До момента своего конечного потребления социальный продукт должен быть «обеспечен» более насыщенными социальным содержанием элементами. Это прежде всего заработок, размер и виды доходов, социальная защита, качество, образ и стиль жизни, сервис, реклама и т. д., их ценностное сопровождение. Что касается собственно духовного производства и потребления (образования, воспитания, культуры и пр.), то они на несколько порядков сложнее и выше уже потому, что напрямую связаны с системой мировоззрения, верованиями, менталитетом, моральным пиететом или, напротив, нигилизмом. Здесь любое сравнение с материальным и духовным потреблением социальных благ чревато упрощением и огрублением, поскольку первое в принципе соотносится с телом, а второе – с душой человека. Особняком стоит производство и потребление собственно социального (его специфика). К сожалению, в социологической литературе оно до сих пор не выделяется в самостоятельную категорию. «Выход» на него остается в режиме случая. В первом приближении под этим понятием целесообразно подразумевать

систему социально-средовых, нормативно-институциональных, информационных компонентов, усваиваемых и умножаемых личностью соответственно в процессе социализации и самореализации.

О феномене социализации пишут много. Но когда авторы хотят подчеркнуть, что и сама личность нечто привносит в свое социальное развитие (производство и потребление), то в таком случае речь должна идти уже не только о социализации, но и о ее единстве с самосоциализацией индивида. В реальной жизни не бывает жесткого разрыва между социализирующим воздействием агентов социализации на личность и усилиями субъекта по самореализации. Не бывает так, что человек сначала нечто, как материальную пищу, получает извне, а потом только начинает ее «пережевывать». В собственно социальном производстве и потреблении эти две фазы органически взаимосвязаны. Например, ценностное сознание оформляется в позднем подростковом возрасте, но психологическая, мотивационная подготовка, общая жизненная ориентация к этому качественному скачку в развитии индивида происходит в течение всего предшествующего периода его существования и развития. Достаточно аргументированные рассуждения о такой возможности мы находим у одного из наиболее квалифицированных экспертов познания и формирования личности И. С. Кона. Согласно его убеждению, «характерная черта современного этапа развития наук о человеке, включая изучение мира детства, помимо установок на междисциплинарную кооперацию, – все более отчетливое понимание того, что ребенок – не просто объект воспитания, социализации и иных внешних воздействий, а самосознательный, активный субъект жизнедеятельности»¹⁸.

Считается, что в детском возрасте компактно воспроизводится и определенным образом интериоризируется вся история социального становления человеческого рода. Разумеется, это происходит не механически, а путем огромных эмоциональных и умственных усилий «маленького человечка». В целом же и адаптационная и преобразующая деятельность субъекта направлена не только на окружающие природные и социальные объекты, но не в меньшей мере и на самого себя. Субъектное начало включает наиболее действенные свойства всех форм антропологического бытия: человека, индивида, личности, индивидуальности. Это прежде всего активность, креативность, самодостаточность.

Пожалуй, ближе всех представителей «субъективного метода» в социологии к пониманию сущности социального воспроизводства и функционирования личности был М. Вебер. Его постулаты: личность как первичный социальный атом, мотивированный смысл его деятельности и ее направленность на других – выражают сущность социальной субъектности. Единственное, что здесь можно добавить: направленность на других, на социум опосредуется направленностью на себя.

Пока что не совсем удачно осуществляются поиски модернизации на постсоветском социальном пространстве. Это отчасти является следствием десубъективации личности в бывшем СССР. Здесь такие системообразующие качества, как творчество, выбор вариантов целей, решений и действий, ответственность за них чаще делегировалась коллективу, а не индивидуумам. Последним отводилась пассивная роль реализаторов воли коллектива. Если кто-то проявлял самостоятельность, то не благодаря, а вопреки этому социальному стереотипу. После крушения СССР наблюдался порыв к переориентации социальной активности, компетентности и ответственности с общинно-коллективистских шаблонов на индивидуальные источники социальной динамики. Но это оказалось столь же трудным делом, как и переход от авторитарных к демократическим формам производственной и потребительской деятельности. Если прежде материальному благополучию противопоставлялось «строительство светлого будущего», то теперь приватизация, рыночная лихорадка по сиюминутному обогащению противопоставлялись прогрессивным перспективам развития общества. Вместо номенклатурных хищников появились хищники социальные, вместо демагогии о светлом будущем – демагогия о легких путях достижения социального благополучия в рыночном настоящем. «Демагогия – теория и практика информационного воздействия одного на многих в интересах одного»¹⁹.

В такой обстановке не приходится удивляться снижению того уровня социальной, гражданской ответственности населения, которое позитивно отреагировало на возможность рыночного демократического пути к общественному и личному

благополучию. Согласно результатам четырехкратного масштабного опроса населения «Левада-Центром», в период после начала социальной трансформации человек «все меньше чувствует себя ответственным за то, что делается в стране...»²⁰. Кстати, нарушение меры между производством и потреблением социальных благ породило конфликт не только на постсоветском пространстве, но и на Западе. Население целого ряда стран Евросоюза, как оказалось, долгое время жило не по средствам. Трудно сказать, насколько правомерно мотивируют протестующие жители этих стран свое нежелание «брать на себя ответственность за обогащение олигархов». Свою лепту в западноевропейскую драму внесли и «верхи», и «низы», и опосредствующая их взаимоотношения хозяйственно-политическая элита. Вместе с тем остается непреложным фактом социальная закономерность, на которую обратил внимание Ф. Теннис. «...Сознательный индивидуум, – отмечал классик, – пренебрегает темными чувствами... под видом самооценки порицает собственные глупости, точно так же как (его. – Л. Г.) совесть – против замеченных за собой низостей»²¹. «Однако к наслаждению, выгоде и счастью стремятся многообразными способами; высшее благо подозревают обретающимся в самых различных вещах». Соответственно с «видами жизни» Ф. Теннис выделяет «возможность наслаждаться и черпать удовольствия главным образом в своей деятельности» или испытывать всякого рода «вожделения». «Таким образом, в последнем случае мы имеем дело с удовольствиями низших частей души, в первом же – с удовольствием высших частей, т. е. немногих избранных и благородных»²².

Любопытно, что к «низшим частям души» могут быть отнесены не только запросы представителей «широких масс», маргинальной культуры, но и определенной части социокультурной элиты. Речь идет о людях, «прогрессирующих от всеобщих, грубых, чувственных предметов к особым рафинированным интеллектуальным формам»²³. Наблюдения классика побуждают несколько отойти от принятого ныне формального ранжирования как подлинных, так и фальшивых приверженцев истинных жизненных благ, скажем, по социальному типу, статусу, роли, уровню образования и т. д. Мы порой встречаем обладателей солидных чиновничьих портфелей, имитирующих производственный энтузиазм, патриотизм, благородные устремления, которыми прикрываются элементарные вожделения обывателя. Иные молодые люди – хозяева оплаченных вузовских дипломов – штурмуют отечественные и зарубежные офисы в стремлении оказаться поближе к доходам престижной фирмы или к кошельку заграничного туриста, жениха. А сколько «предпринимателей», поменявших статус инженера, учителя, агронома на скупку «по весу» заграничного барахла, а затем уже на поштучную его продажу «уважаемым» соотечественникам. Социологи порой опрометчиво зачисляют их в ряды «среднего класса» и тем самым считают чуть ли не гарантами социальной стабильности и благополучия общества. Справедливости ради отметим, что некоторые авторы требуют более строгого подхода к обоснованию критериев социальной типизации предпринимателей. В частности, В. А. Дмитриев, О. Н. Жилинская²⁴ отмечают, что инновационный характер деятельности предпринимателя был назван ее важнейшим признаком еще со времени появления самого термина «предприниматель» (Р. Кантильон. Очерк о природе коммерции. 1725). Однако в экономическом научном сообществе Республики Беларусь и даже в нормативных документах такая точка зрения не стала общепризнанной. Правда, некоторые авторы предлагают включить в определение предпринимательства его инновационную направленность, но лишь как момент, сопутствующий получению прибыли. Выходит, что обязательность инновационного обновления производства как неременное условие обеспечения социального благополучия страны и ее граждан относится только к государственным предприятиям. Частник же, не делая финансовых и интеллектуальных инвестиций в технологический прогресс, может, не брезгуя никакими средствами, перекладывать значительную часть расходов на плечи государства и заколачивать хорошие барыши.

В целях оздоровления, легитимации ушедшего во многих случаях в социальное подполье предпринимательства упомянутые авторы эксплицируют более адекватное определение его признаков. При этом правомерно акцентируются инновационность, осуществляемая и в условиях риска (почему только государственный сектор должен брать на себя столь деликатную миссию?); организация деятельности за

счет собственных средств, ответственность за результаты хозяйствования. Далее признается целесообразным обновление технологий товарного ряда, освоение новых рынков. Предусматривается создание новых логистических каналов. По мнению специалистов, оправданно также требовать от предпринимателей повышения квалификации (а не ждать полной профессиональной дисквалификации и в результате казенной пенсии от «родного государства»).

Никто не отрицает, что немалую роль в бедах современного мира, т. е. скорее в ухудшении, чем улучшении, социального благополучия его населения, играют так называемые объективные факторы. Но если присмотреться внимательнее к зачастую мистически трактуемым факторам, то получается, что у их истоков, а следовательно, и вызываемых ими кризисов: социально-политического с подключением к нему терроризма, экономического, финансового, экологического, культурологического и т. д. – в конечном счете стоит человек. Тот самый, который изрядно запустил свои земные дела и перестал за это строго спрашивать с самого себя, а все больше взыскивает с других, с государства.

Но в таком распределении социальной ответственности он в корне не прав. Весьма похожие на истину положения по этому поводу высказала известная белорусский общественник О. А. Павловская. Согласно ее точке зрения, среди всех угроз национальной безопасности общества самой опасной является прежде всего сам человек. В его внутреннем мире, как нам представляется, можно обнаружить настоящую «черную дыру», которая может поглотить всю цивилизацию. Это «неразвитость индивидуальных чувств и интеллектуальных способностей, различные неудовлетворенности, нездоровые амбиции, разочарования, неадекватность оценок и самооценок, деформации жизненных ориентаций, а подчас и полная личностная деградация... зависть, ненависть, животность, безответственность, беспринципность и другие негативные проявления человеческой природы. Такого рода угрозы, накапливаясь, могут стать серьезной опасностью как для жизни его (человека). – Л. Г.), так и для функционирования различных социальных структур, общества в целом»²⁵.

Как видно из рассмотрения затронутой в данной работе проблемы, далеко небезупречно состояние всех трех основных составляющих создания, функционирования и использования социального блага – его производства, потребления и самого их субъекта. Однако это отнюдь не свидетельствует о безнадежности положения. Надежда на его исправление есть и будет крепнуть, осуществляться по мере того, как люди смогут осознавать экзистенцию собственную и всего человечества в качестве высшего, самого ценного блага, проникаться ответственностью за его сохранение и умножение. Какие бы общественные силы, социальные институты ни участвовали в данном процессе, их ядром, а следовательно, и ведущей социальной силой всегда был и остается именно человек, личность, субъект. Мы сознательно не перечисляем, как принято в итоговом разделе, официальных институтов, призванных осуществлять различного рода рекомендации. Потому что, в сущности, каждый из институтов – это реальные люди, определенным образом организовавшиеся для эффективного выполнения своих социальных ролей, интересов и целей. К этим людям мы и обращаемся.

¹ Керженцев А. С. Новое перспективное научное направление // Вестн. Рос. акад. наук. 2012. Т. 82. № 5. С. 437.

² Там же.

³ Платон. Сочинения: в 3 т. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 83.

⁴ Словарь философских терминов. М., 2010. С. 730.

⁵ См.: Социологическая энциклопедия: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 103.

⁶ См.: Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М., 2010. С. 107–109.

⁷ Там же. С. 129.

⁸ Там же. С. 133.

⁹ Там же. С. 80, 81.

¹⁰ Там же. С. 83.

¹¹ См.: Владикина М. И. Средний класс России: социальные функции в условиях модернизации общества // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 120.

¹² См.: Краснов А. Будущие войны как угроза существованию человечества // ЗВО. 2002. № 6.

- ¹³ Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. С. 92.
- ¹⁴ Керженцев А. С. Новое перспективное научное направление. С. 436.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социол. исслед. 2012. № 5. С. 19–20.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Кон И. С. Детство как социальный феномен // Журн. исслед. соц. политики. 2004. Т. 2. № 2.
- ¹⁹ Бондарева С. К., Колесов Д. В. Нравственность. М.; Воронеж, 2011. С. 92.
- ²⁰ Левада А. Сочинения: проблема человека. М., 2011. С. 523.
- ²¹ Тённис Ф. Общности и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002. С. 170.
- ²² Там же. С. 173–174.
- ²³ Там же. С. 175.
- ²⁴ См.: Дмитриев В. А., Жилинская О. Н. Концепции предпринимательства – научную основу // Экон. бюл. 2011. № 6. С. 13–19.
- ²⁵ См.: Павловская О. А. Духовно-нравственные основы национальной безопасности Республики Беларусь // Духовно-нравственные основы современного человека. Минск, 2011. С. 29.

Поступила в редакцию 14.06.12.

Л. Г. ТИТАРЕНКО,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

СИСТЕМА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Предпринята попытка сравнения теоретической и эмпирической моделей экологических ценностей населения, демонстрирующих постепенный переход общества от антропоцентризма к экоцентризму. Проведенное сравнение дает возможность выявить направления, требующие особого внимания городских властей, средств массовой информации, институтов образования и воспитания.

An attempt to compare theoretic and empiric models of ecological values of the population which demonstrate a society's gradual transformation from anthropocentrism to eco-centrism is undertaken. The carried-out comparison enables to expose the directions requiring special attention of the city authorities, mass media, institutions of education and upbringing.

Человек – важнейший компонент планетарной экосистемы
и один из главных факторов ее нестабильности.
Юлий Шрейдер

Современное глобальное общество переживает сложную эпоху смены систем ценностей. Подобная ломка всегда означает существенные изменения во всех сферах жизни, в сознании и поведении людей и сопровождается многими кризисными явлениями. В сфере науки ценностные трансформации связаны со сменой научных парадигм.

Одним из аспектов перемен в социальных науках является болезненный переход от господства антропоцентрического подхода, ориентированного на подчинение природы человеку, к экоцентрическому, или природоцентристскому. Первый из них сложился и доминировал в индустриально развитом обществе технократических ценностей, которые утверждали господство человека над природой и косвенным образом способствовали возведению потребительства по отношению к природе в ранг первостепенной ценности. Данный подход, связанный с абсолютизацией значимости экономики в развитии общества, а также с утверждением господства человека над природой, и сегодня имеет широкую, часто не артикулируемую гласно поддержку в ряде стран, среди политических элит, от которых зависит принятие важных решений, а также от других социальных групп.

Тем не менее с середины 1980-х гг. на фоне роста интереса к глобальным проблемам человечества в стратегии развития ряда западных стран происходят существенные изменения: осознаются пределы роста техногенной человеческой цивилизации.